

КУЗЬМИЧ.

Рассказ.

Часть первая. Весенняя.

Кузьмич стоял, почти повиснув на калитке. Лицо выражало скуку и недовольство жизнью – состояние, присущее с утра, когда с друганом не успевал пропускать рюмочку-другую... Ждал зятя. Около подворья нарезал круги на велосипеде Серёгин сын Володька. Вот его, чернявого, востроглазого мальчика и послал дед сказать, чтобы вышел отец. Самому было лень пройти эти несколько шагов. Да и чувяки жалко. Глянул вниз, пошевелил пальцами ног – тапки «открыли рот», вздохнул, потянулся за новой сигаретой...

...Утром «намыливался» было к Мишке, чтобы совершить очередную «чайную церемонию», но бабка, опередив ход мыслей и намерений, спросила: «Куды засобиралси? Делать нечего?» - и добавила: «Сходи к Серёжке – за сеном надо ехать».

- Так это...итить не в чем. Чувяки... К Мишке зайду – няхай подошьёт...

- И-и, знаю я ваши подшивания. Придёшь с залитыми глазами да с худыми чириками. Иди щас же к Серёжке!

Настроение казака вовсе испортилось. Уселся на ступеньках летней кухнёшки. Закурил неизменную «Приму» и вслед за струйкой дыма унёсся мыслями вдаль. Жена, громыхнув ведрами, демонстративно прошла мимо, всем видом показывая свою занятость и подчёркивая его бездеятельность. Кузьмич прижмурился, как кот на завалинке, сплюнул, встал, направился к гаражу, где стояла потрёпанная «копейка». Машинёшка зажужжала, чихнула, затроила, умолкла. «Опять свеча барахлит»,-

подумал он, ещё раз повернув ключ зажигания. На этот раз всё обошлось и «жигулёнок», ведомый профессиональной рукой, покати́л по пыльной хуторской дороге...

Вышел зять в своём неизменном спортивном костюме и шлёпках «Босс». Молча поздоровались. Присели в теньке старой грушины, потягивая сигареты: один – «Приму», второй – «Нашу марку».

- Серый, ты не дюже занятый сейчас? – И в ответ на отрицательное покачивание головой продолжил: «Баба изгалдилась вся... Ты того ... с сеном помоги. Мишка свою «бэшку» даёт на полдня...»

...И вот, сидя втрём в кабине «газончика», они катят по придонской степи. Ветер с завихрением влетает в открытые окна, вытягивая терпкий дым куряк, уносится вдаль играть травами, цветами и деревьями, что разбросаны по морщинам-балкам.

Когда машина выползала из одной такой балочки, её кидануло в сторону. Шофёр, поддав газу, попытался «поймать» дорогу. Но напрасно. Автомобиль, как бы огрызаясь, рычал, полз прямо, съезжая с грунтовки и не обращая внимания на все попытки Кузьмича подчинить его движения своим усилиям...

Выехав на ровное место, остановились. Вместе с зятем нырнули под бортовушку.

- Ну, твою дивизию, подсуропила. Ишо спрашивал же у Мишки: «Всё нормально?»

- «Отлично, дед! Танки грязи не боятся»,- передразнил владельца грузовика. – Танкист хренов, едрёна корень...

- Чаво ж делать будем? – спросила супружница.

- Чаво, чаво... Загорать. Городские же нежатся на солнышке, вот и ты залезай в кузов, раздевайся и жарься. Там хорошо: ни дуить, ни кто не увидит.

- Тебе лишь бы языком почесать. Сам залезай да загорай.

- У мне коленки так и останутся белые: трусы длинные.

Побродив по полю, зять нашёл куски проволоки, залез под автомашину, скрутив тягу, произнёс: «Пробуй». «Пойдётся»- ответил старый, осторожно трогаясь. Подъехали к первой копёшке. Бабка была в кузове, принимая сено. Двинулись дальше. Водитель, осмелев, уже уверенно давил на газ. Из-за бортов доносились охи с причитаниями, и возле следующего стожка половина дала волю эмоциям:

- И-и, глянь, чё есть: вылупил зенки и скачить, чуть не вывалилась. Я ж не дрова... Их и то жалко... Вот щас как охвачу вилами – бушь лыбиться...

Казачура ухмыльнулся, словно сказанное не относилось к нему. К следующей копне летели ласточкой.

- Нехай протрясёца, меньше бурчать будить,- ответил на молчаливый вопрос Сергея.

Потихоньку, с перекурком, с лёгкой перебранкой нагрузились пахучим сеном и покатали домой.

- Родная, налила бы нам с зятком. С устатку... Уморились мы...

- Ага, особенно ты,- возразила жена,- больше курил да скакал, как оглашенный. Выпала и не заметили бы.

- Ну не потерялась же... Он, глянь, целая, невредимая... Няси, няси, не болтай лишнего.

Хозяйка вскоре вернулась, бережно держа в завеске поллитровочку. Кузьмич заулыбался, хлопнул в ладоши. Поставил стопки, булькнул в две, над третьей замер, спросив: «Тебе наливать?»

- А как же, - улыбнулась казачка.

Хмыкнув, наполнил стаканчик, поднял свой: «Ну, за сено!». Чокнулись. Женщина, выпив свою долю, долго морщилась, укрывалась и вытиралась фартуком, махала рукой, пытаясь что-то сказать.

- Видал, Серый, она думает, что мы мёд пьём.

- И-и, тебе хучь чё дай, всё вылакаешь.

- Лишь бы горело, - согласился старик и добавил: «Складывать будем завтра. Приходи. Мать ишо поднесёт».

- Тебе абы глазоньки залить. И ноне можно было...

- Не, не могу, - перебил дед,- хватит. А то околею и останется твоё сено не сложенным...

Благоверная, ворча что-то себе под нос, вышла из кухни. Гремела ведрами, махотками, продолжая «воспитывать» мужа.

- Вот за что люблю свою бабу, так за то, что бурчить. Как тока перестаёт – значить, чё-то не то, значить, не туды... А бурчить – выходить, армейский порядок,- и с этими словами Кузьмич вытащил стоявшую между кроватью и холодильником гармошку, заиграв грустно-щемящую мелодию.

Покой, умиротворённость легли на душу и зять, прислонившись к стенке, разморено млея от усталости, водки и гармошки...

Часть вторая. Осенняя.

Кузьмич стоял на площадке незавершённого стога, и всё его лицо выражало невероятную скуку и затаённое мучение. Вчера с другом принял лишку, а сегодня его морило изнутри противное состояние, известное под научным названием «похмельный синдром». Через дорогу, наискосок, сосед майстрячил забор и стук молотка каждый раз отзывался в голове. «Долбить, долбить, как

дятел... Когда перестанить?»- с тоской думал Кузьмич. А тут ещё и бабка вертится вокруг соломы, как наседка, не отходя ни на шаг ни от прикладка, ни от зятя, пришедшего на подмогу. «И чаво кружится? Чаво? Твою милость! Куды б её послать?»

- Мать! Приняси воды – жуть пить охота.

- И-и... алкаш проклятый! Меньше лакать будешь.

- Ты не ругайси, а лучше приняси воды, а то ить сдохну, а отсель мене доставать будить дюже неловко...

- Не сдохнешь, - уверила половина, но всё же отбросила грабли в сторону, сказав Сергею: «Пойдём, сходим в колодец».

Оставшись наедине с мучением, страдалец присел в солому, и сам стал похожим на сидящую квочку. Даже руки оттопырились, словно под ним вправду лежала кладка. Зелень тоски в глазах внезапно вспыхнула огоньком надежды.

- Мишаня, подойди сюда.

- Чаво тебе, дед?

- Да подойди, не бойсь – не укушу, всё равно не достану.

Тот нехотя подвалил к ограде зовущего.

- Слушай, Миш, вишь тракторную тележку? Глянь: штопорится или нет? Смогёшь её задом загнать во двор? А то с этой соломой валандаться туды-сюды накладно...

Сосед, делать нечего – раз подошёл уж, опустился на корточки, заглянул под тележку, крикнув, совсем зачем-то скрылся под ней. Потом из-под фуражирки показалось его лицо, и он сказал: «Всё нормально. Трактором заеду. Но токо вечером».

- Ну, нехай-нехай...Вечером – так вечером. Я погожу. А теперь... В траве пошарь немного. А?

- Чё у тебя там?

- Да пошарь, пошарь.

- Ни черта тут нет ничего...

- Как же... нету... есть! Пузырь. Да не здесь ищи, а вон там, где колючки.

Михаил с недоверием присел, стал потихоньку раздвигать растительность. Глянул вверх, увидел лицо, полное нетерпения, сообразил: дедок взаправду гутарит, и стал энергичней работать руками.

- Ты давай побыстрее,- подгонял голос со стога, - а то моя щас придёт, всю малину испортить...

В эту самую минуту «следопыт» надыбал заветную тару: полуторалитровую пластмассовую бутылку. Встав, показал её.

- О! Она родимая. Хлябни, ежели хочется, и кидай скорей мне.

Искатель не заставил себя долго уговаривать, сделал несколько глотков из горла, хекнул, занюхал рукавом. Аккуратненько закрутил ёмкость и бережно швырнул в сторону деда.

- Ну, спасибо! Выручил.

- Так до вечера?

- До вечера, до вечера,- протараторил мученик, прильнув к спасительнице... Почти мгновенно стало лучше и – о! человеку всегда мало – возникло следующее желание: закурить. Но – нельзя! «Сгоришь к лешему вместе с соломой и костяшек не останется»,- подытожил старина, удобно устроившись в стогу, в очередной раз прикладываясь к горлышку... Оторвавшись, взглянул влево, заметил копошащуюся в огороде фигуру, лицо расплылось в медовой улыбке. Утром она, соседка с необычным для деревни именем Неонила, выгоняла на выпас свою единственную козу Нюрку, и Кузьмич, который сидел на корточках между густой сиренью и изгородью, привстав, с трудом прохрипел: «Горючее есть?»

- Тьфу ты, окоянный! Выпужал всю... Есть. Чё, страдаешь?

- Ты не рассуждай, а неси скорее, а то загнусь и останусь тут, под забором, на веки вечные.

- А Нюрка...- начала было бабёнка.

- Какая к чёрту Нюрка! Она, вишь, уже чё-то хватать – не сдохнет, а я-то, я-то...

Видя его безумную тоску, женщина шепотом изменила курс, засеменяв домой. Старик присел, прислонившись к штакетнику, закурил, ставшую отчего-то вдруг горькой, «Приму» и с нежностью уставился на рогатую: «Щас твоя кормилица и мне помогёт...»

Самогонщица действительно уже затворяла калитку. Кадык у бедолаги судорожно дёрнулся, ободрав пересохшее горло, в истоме замер, предвкушая, как живительная влага смажет и согреет все извилины.

- Дед, ты иде? – голос бабки прозвучал так некстати, что сигарета, потеряв пепел, и сама вывалилась изо рта. «Ну, как всегда вовремя»,- поморщился и не откликнулся. Молча наблюдал за Неонилой. А жена, позвав его ещё раз, зашаркала вглубь двора.

- Нилка! – громким шёпотом напомнил о себе.

- Чаво?

- Ты не чавокай, а падай на землю и по-пластунски ко мне, а то тутечки вертится моя драгоценная. Застукаить, сама знаешь, попадётся обоим...

Соседка побаивалась «драгоценной», в другой раз отказалась бы от встречи, но зараз у неё в руках была бутылка, а в руках Кузьмича – верёвка, что тянулась к шее козы, поэтому, неожиданно даже для самой, резво опустилась на четвереньки.

Рассмеялся вслух, вспомнив как Неонилка, высоко задрав зад, двигалась «зигзагом» к нему, почти уткнувшись в землю носом. Изредка поднимала голову, воровато осматриваясь вокруг. А он ещё

поджучивал: «Ниже, ниже, а то враг узреть». Его подковырка враз оборвалась, когда почти рядом послышался голос супруги: «Дед, ты иде хоронишьси?» И, видимо, обнаружив «противника», продолжила вопрос: «Нил, ты чё там ишишь-то?»

-Да я это... я тут.. того... Уже нашла, - ответила та, обивая подол одной рукой, а второй накручивая Нюркину верёвку. Бутылку «диверсантка» предусмотрительно оставила в траве. Но прямо в колючках и, естественно, по другую сторону изгороди. Пришёл как раз зять (бабка поэтому беспокоилась), и довелось казаку выбираться из своей «засады», нехотя идти работать, жалостливо оглядываясь туда, где притаилась самогонка.

И вот теперь, когда прохлада ветерка обвеваает на двухметровой высоте, когда несколько глотков вернули к жизни, дед улыбался, ласково глядя на жену, суетившуюся внизу и так и не взявшую в толк внезапную перемену в настроении Ипата.

х. Качалин,
1999 год.

Словарь казачьих слов:

чирики, чувяки – тапки,

завеска – женский фартук,

махотка – чугунок,

валандаться – возиться,

шементом – быстро, резко,

зараз – сейчас.